

о. ВИКТОР (КУЗНЕЦОВ)

4 ОКТЯБРЯ. РАССТРЕЛ

“Когда же увидели Его архиереи и служители, то закричали: “Распни, распни Его!” Пилат говорит им: “Возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины”.

Иудеи отвечали ему: “Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть...”.

...Игемон спросил: “Какое зло Он сотворил?” Иудеи же вопили: “Возьми, возьми, распни Его! Пусть кровь Его будет на нас и на детях наших! Только распни Его!...”

Тогда Пилат предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели. И неся Крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное”.

(Мф. 27, 11—33)

6 часов 30 минут. Стало светать. На Дом Советов и безоружных ополченцев, преградивших подходы к нему, было с самого начала брошено 3 тысячи солдат и офицеров, 10 танков, 80 БТР, 20 БМП, 15 БРДМ, свыше 60 БМД.

Штурм и расстрел парламента начался внезапно, без какого-либо объявления или предварительного предупреждения. Никаких предложений сдатьсь или вывести из здания женщин и детей атакующие не делали. Никаких ультиматумов о капитуляции парламенту не выдвигалось.

Послышалось поначалу непонятное тарахтенье моторов и треск, частый, отрывистый, не оставляющий сомнений: это не случайные звуки. Выглянули в окно, выходящее на стадион и здание американского посольства, расположенное за ним. Подтвердились худшие предчувствия.

Со стороны Горбатого моста и Девятинского переулка к Дому подъезжали брызжущие очередями пять БТРов.

КУЗНЕЦОВ Виктор родился в 1945 году в Москве. Окончил режиссерский факультет ГИТИСа. Работал режиссером в театре им. К. С. Станиславского, на радио. Депутат Моссовета (1990—1993 гг.). Участник событий сентября-октября 1993 года. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России. Ныне клирик Московской епархии. Автор книг “Богослужения русским святым”, “Он выbral крест” — о воине-мученике Евгении Родионове, “Мученики нашего времени” и др. Предлагаемый читателям отрывок взят из новой книги о. Виктора “Так было. Расстрел” (М., 2010).

Вооруженные лишь плетками казаки у Горбатого моста и люди, находившиеся у палаток, залегли либо за растущими рядом деревьями, либо за прилегающими мелкими строениями. Атаковавшие первыми же очередями уложили многих из безоружных защитников баррикад и в первую очередь женщин и подростков, которые как раз готовили завтраки на кострах для продорогших защитников. Сметены палатки, шалаши, скамейки у костров...

6 часов 50 минут.

Что делать? Бежать? Куда? Команд никаких. Оружия нет. Постарались Руцкой и прочие “вожачки”, разоружили защитников, отдали почти все автоматы.

Наконец по внутренней связи, устроенной некогда для “гражданской обороны”, объявили, чтобы все собирались у Зала заседаний.

То тут, то там разлетались стекла больших окон.

Зал заседаний Совета национальностей заполнен плотно. Освещение только от нескольких свечей. Присутствующие почему-то, как в доме, где лежит покойник, тихо, едва слышно переговариваются. Почти все кашляют от простуды. Поначалу в зале не слышалось выступлений. То ли все слова уже ни к чему! То ли ждут чего-то или кого-то... Может, “президента с правительством”?.. Потом, не дождавись, стали говорить. Но из-за отсутствия микрофонов, гула разговоров и общей подавленности их не было слышно. К тому же выступающие с трибуны всячески старались придерживаться спокойного, будничного тона. Как будто идет обычное, деловое собрание. Они нашли верный тон. Председательствовал Хасбулатов, рядом с ним С. Горячева.

8 часов 30 минут. Закончился плотный обстрел. 8-й и 20-й подъезды обстреляли из стрелкового оружия и пронесшихся смерчем БТРов.

В соседнем внешнем фойе, с большущими окнами во всю стену, примыкающем к Залу заседаний, никого нет. Ветер гоняет по полу обрывки штор. Пол весь усыпан осколками стекла и кусками от стен. Проход перегороден группой молодых людей, сгрудившихся около парня со старым ружьем в руках. Они, не отрываясь, смотрели на нижнее фойе. Это был заслон, “оборона”. Прямо скажем, весьма ненадежная. Парни ожидали и когда появятся нападающие, и когда сразят того, кто стоял с ружьем, чтобы взять его оружие и стать “грозным защитником”. Вечные святые юноши России!..

По лестнице изредка взбегали люди. Спускавшиеся шли медленно, ведя раненого или неся убитого.

Корреспондент Си-Эн-Эн нагло, при нас, продолжает вещать в портативный магнитофон, врет безбожно, ничуть никого не опасаясь. Как же, здесь – “бандиты”! Этим вот “гуманистам” – все можно! За ним – империя Лжи. Попробуй тронь! Сообщает, что “краснопресненские сидельцы” оставили первые два этажа. Наглое вранье! И второй и первый еще свободны.

9 часов 20 минут.

В зале темнота, только у некоторых теплятся свечи. Многие депутаты, сидя на своих привычных местах, поют русские песни. Им подтягивают и все собравшиеся ныне тут обитатели Дома. Это по-русски. Когда – беда, не трещать словами, и если не можешь молиться, то так вот, – грустно попеть старые, народные песни.

9 часов 30 минут. Ребята со щитами в бронезилетах поднялись с 1-го этажа на 2-й. Расстреляна маленькая демонстрация желающих пройти к Дому, к осажденным. Два парня и девушка убиты из БТРов при попытке забрать раненых.

9 часов 35 минут. Мужчина в камуфляже, снизу, со второго этажа, прикрикнул на шатающихся без толку депутатов, на 3-м этаже. Матом заставил уйти или лечь на пол. Потом, помягчев, заверил:

– Не волнуйтесь! Здесь надежные мужики собрались. Защитят вас.

Но вскоре перебежавший у простреливаемого окна очкарик снова вывел его из себя. Он вскрикнул:

– Лежать, я сказал, вдоль стен! И не бегать!..

9 часов 45 минут. Посты у центрального входа и на 2-м этаже оставлены. Передовая теперь на лестнице, ведущей на 3-й этаж, в зал заседаний, где собралась основная масса осажденных.

9 часов 50 минут. Мощный взрыв на 2-м этаже, в буфете. И вскоре за ним другой. Сильная очередь из крупнокалиберного пулемета БТР дополнила

брызгами стекол и кусками бетона, мрамора... Защитники Дома изредка отвечают отдельными выстрелами и редкими очередями из автомата.

10 часов 00 минут. С противоположной стороны, с чердаков и с крыши дома стреляют снайперы. Они отслеживают всякое передвижение в Доме, словно на будничной охоте в лесу. Хладнокровно отстреливают всякого, неосторожно переходящего у окон. Были там, как говорили потом, среди снайперов ВВ, МВД, бейтаровцев и иностранные стрелки из охотничьих клубов, которые купили билеты в Россию, как на сафари, заранее запланированную безопасную “веселую охоту” на людей, на русских, как на дичь. Приехали “поохотиться”...

10 часов 20 минут. В стороне, у стенки, примостились молодые солдаты из роты “Дзержинки”, примкнувшие к оборонявшимся. Невестя как затесавшаяся сюда иностранная корреспондентка дотошно выпытывает у одного молодого солдата. Он безхитростно отвечает:

– Я службу всего месяц. Нас вчера привезли к метро “Парк культуры”. Выстроили. Мы ничего не знали. Приказали взять щиты, дубинки и выстроиться поперек моста. Тут видим: идет большая масса народа. Ну, потом началось... Нам приказали поднять щиты. Только я поднял, как на меня наперла гряда людей. Я упал. Быстро отполз. Побежал догонять своих. Мы отбежали небольшой группой, прикрываясь щитами. А машин уже нет. Одни уехали, другие уже захватывались демонстрантами. Нас бросили сбжавшие командиры. Тут нас окружили демонстранты и стали уговаривать переходить к ним, к народу. Мы и перешли.

10 часов 30 минут.

Помещение Комиссии по вероисповеданию напоминает импровизированную церковь. Самодельный иконостас, за ним – огороженное малое пространство алтаря, подсвечники. Седовласый священник Алексей Злобин, измученный и усталый, едва стоя на ногах, в полном облачении, отпевает принесенных убитых молодых защитников России.

Впечатления трагичности происходящего, хаоса, царящего вокруг, здесь не ощущается. Наоборот, возникает ощущение собранности, важности происходящего.

Если важнейшим для всей страны на тот момент был Дом Советов и то, что вокруг него и в нем происходит, то самым главным местом в нем, сердцевиной в Доме была, конечно же, самодельно сооруженная церковь. Здесь было сам Дух не временного, а вечного сопротивления злу. Вот здесь – важнейшее место. Это чувствовалось всеми. Свидетельствовало самым красноречивым образом.

В эти драматичнейшие часы это был центр, духовный штаб сотрясаемого разрывами Дома, всех собравшихся в нем. Здесь было на этот момент и главное место всего, если иметь в виду весь мир. Именно Россия в этот день, в эти часы, именно Дом Советов в Москве, именно эта церковь в нем стали связующим звеном нашей многоградской земли с Небом. Именно здесь, как два тысячелетия назад в Иерусалиме, сошлись в битве две постоянно противоборствующие силы – добра и зла, света и тьмы.

Здесь возносилась молитва страждущих, терпящих неслыханное бедствие. Отсюда потоком шли искупительные жертвы за грехи людские. Именно из этих стен, одну за другой, сотнями забирали “связные” – ангелы – души убиенных “за други своя”. Новые граждане во множестве наполняли самую большую державу – Небесную Россию.

Едва о. Алексей закончил отпевание, как к нему ринулись парень с девушкой и стали упрашивать, умолять. Он поначалу отнекивался, указав на множество принесенных недвижимых тел. Но потом сдался и стал венчать молодых, коротким чином.

Ему едва дали дослужить. Вбежали запыхавшиеся хлопцы-казаки. Стали умолять священника пойти с ними: там друзья умирают. Надо успеть причастить их. Отец Алексей, взяв все необходимое, пошел за ними на усталых, затекших ногах.

Вот кто здесь – главный. Кто совершает по-настоящему главное дело! Священник, отец Алексей Злобин, а не какие-то там президент, спикер или министры.

11 часов 20 минут. Со всех сторон, из окружающих зданий, с крыш домов – снайперы продолжают простреливать подход и все этажи Дома. Пули

ковыряют стены, пробивают окна, разрывы снарядов вырывают большие куски стен, разносят мебель и аппаратуру в щепки.

Журналиста, который пытался выйти с белым флагом, — застрелили.

Стало уже понятно, что большинство отсюда не выйдет. Что удивительно, женщины держались мужественно и были более собранными, чем мужчины.

Снова сильный взрыв. Депутаты в темном зале продолжают тихонько петь.

11 часов 30 минут. Струхнувший Руцкой, понявший, что, как и Горбачев, он — “отработанный пар”, теперь не нужен главным дирижерам происходящего. “Мавр сделал свое дело, и — должен удалиться”. Даже лучше, если он погибнет под обломками Дома Советов. Испуганный “президент” стал суетиться. Передали по радио, как он начал кричать в микрофоны о помощи, изрыгать проклятия кровавому диктатору и его окружению. Потом, скиснув, стал просить пощады, предложил переговоры.

Ельцинисты ответили, что согласны при условии сдачи оружия, которого практически почти не было в Доме.

Клика Ельцина чего только ни выливали на осыпаемые осколками головы защитников Дома. И что те, кто здесь — наемные бандиты, которые расправляются с мирными москвичами, не щадя детей, женщин и стариков... Неужели они победят?... Это будет ужасно.

11 часов 40 минут. Сильные взрывы сотрясают здание. Танки стреляют совсем не холостыми, отнюдь не болванками, как заявляют ельцинские генералы и свора теле- и радиожурналист.

Кто-то влетает в зал и громко, испуганно спрашивает: “Кто отдавал приказ стрелять?” Ведущий заседание спокойно ему ответил: “Здесь никто никаких боевых приказов не отдает!” Вопросивший вихрем улетает.

11 часов 50 минут. Опять изредка стреляют с лестницы 2-го этажа. Командир поучает: “Если кто появится, вы в него не стреляйте. Пусть живут ребята. Они ведь подневольные. Не по своей воле сюда загнаны. Вверх стреляйте, для остротки...”

Слышно, что над Домом летают вертолеты. По радио сообщают, что с них будут высаживать десант обученных головорезов. Наступает последний этап погрома Народовластия в России.

На 2-м этаже слышна команда: “Карпов! Убитого на месте оставь. Ползи сюда сам”.

Девушка худенькая пошла к полковнику-депутату, стоящему у стены. Спрашивает: “Санитарка нужна?” Полковник грустно ей отвечает: “Спросите, кого нужно, не у меня!...”

11 часов 50 минут. Невидимый Руцкой по внутренней, громкой связи заполошно, истошно продолжает приказывать: “Не стреляя-ать!!...”

Кто-то сообщил, что расстрел показывают по телевизору через Си-Эн-Эн. Из расстрела решили сделать **зрелище**. С одной стороны, унижить, высмеять погибающих. А заодно продемонстрировать всему миру показательную порку. Вот, мол, как будет со всеми, кто будет нам сопротивляться! Какой бы значимости, известности и авторитетности ни были люди даже Высшего законодательного органа страны.

Затишье, опять же только со стороны защищающихся. Снова по динамикам дребезжит, привычная команда “президента” — не стрелять. Такие команды часто получает русский солдат. И при обороне границы в 41-м году, и сначала на Даманском, и во взбесившейся Чехословакии в 60-е годы, и в подлючем Вильнюсе; потом они зазвучат в Чечне, в роддоме распятого Буденновска, в “Норд-Осте”, в Беслане...

11 часов 55 минут. Хасбулатов, уверенный в своей личной неприкосновенности, начал с места “задушевный разговор” с собравшимися в зале: “Надежда умирает последней. Врут там все про нас. Парламентера даже убили, журналиста Терехова. Он вызвался вывесить белый флаг. Вот это называется: “Армия сохраняет нейтралитет”.

В тон ему депутат Исаков из темноты негромко, по-простому сообщил, что есть данные о том, как неизвестные воинские подразделения заходят нападающим войскам в тыл и бьют их, провоцируя тем самым ожесточение и большее кровопролитие. Потом авторитетно, погромче, чтобы дольше запомнилось, сказал: “Всем, кто останется в живых (а их будет немного), надо будет разобраться с такой, творимой незаконными властями жестокостью и вероломством”.

Депутат, генерал Тарасов (“Отчизна”) дает справку: “В самом начале нас блокировала дивизия особого назначения. Они экипированы полностью, с ними БТРы. Видели в окно, как же первый снаряд попал в палатку у здания Дома Советов. Много людей было убито, лежат теперь неподвижно”.

– Звери! – поддержал кто-то генерала.

– Первыми нападающими были бейтаровцы. На первых БТРах были надписи: “БОС” – боевая организация сионистов! – уточнил кто-то из темноты зала. И вновь в зале установилась согласная тишина.

12 часов 05 минут. Вызвали санитаров к двум парням, истекающим кровью на лестнице второго этажа.

Сообщили, что танки с моста подошли и укрепили нападающие цепи. Рукой истошно предлагает, непонятно кому, переговоры. Ему уже никто не отвечает.

По радио продолжают передавать рев Ельцина, про то, что здесь находятся одни “бандиты”. В тон ему Белла Куркова, как старая, всклоченная со рока, верещит о том, как “наемные громилы” расправлялись вчера вечером с мирными москвичами, не щадя никого... а теперь “засели в своем логове” – Белом Доме. Не устают, врут напрапалую про осажденных, расстреливаемых здесь, и другие вещуны из демократической своры...

12 часов 10 минут. Предложено составить список депутатов (по требованию осаждающих). Для чего? Для выхода отсюда? Для “наград”? Или для учета количества убитых, качества “произведенной работы”? Для тюрем или преследований потом? Настораживает...

12 часов 15 минут. Осаждающие вновь усилили обстрел. Снова взрывы, треск очередей, грохот стекла и камней, а по громкой связи внутри Дома только и слышна марзатическая команда: “Не стрелять!...”

Удивительнейшее вещество – человеческая кровь! Сам вид и запах ее производят сильнейшее действие. Одних она ужасает, парализует, других возбуждает, пьянит.

12 часов 17 минут. Сильными взрывами снарядов проламывают стены. Все здание вздрагивает.

Спокойно по длинному балкону-переходу с опасной стороны проходит депутат Исаков. Разрывы и шелест рассыпающихся рубленых гвоздей. Но многие, стоя невдалеке, не обращают на это никакого внимания. Человек привыкает ко всему.

Один парень, смельчак, чудом поджег бутылкой БТР, тот, дымя, умчался прочь. Но парня тут же скосили три других БТРа. Двое смельчаков выбежали на открытую площадь, схватив его за руки, поволокли к Дому. Их пулеметной очередью заставили лечь. Они ползком, согнувшись, продолжают подтаскивать раненого. Это уже недалеко от 8-го подъезда, и они смогли достичь его, прежде чем БТРы, рванув, вплотную подлетели к подъезду.

В досаде БТРы, задрав пушки, стали поливать свинцом без разбора все, что могли поразить. Затем в стену Дома вновь ударил снаряд. Отчего в стороны блестящим, сверкающим на солнце дождем низвергли новые груды стекла.

Засуетилась стайка дерзких, злых, постоянно усмешливых, а теперь бледненьких, чернявеньких пацанят и девиц, – корреспондентов демпрессы, все время, по чьему-то наущению, здесь брезгливо околачивающихся, вынюхивающих, высматривающих, воровато записывающих или наговаривающих на диктофоны клевету и издевки для НТВ, “Коммерсанта”, “Московского комсомольца”, “Эха Москвы”. Причем было заметно, что, чем хуже у нас шли дела, тем веселее они становились. Если же у нас какая-нибудь удача, они становились мрачными и озлобленными. Эх, не научились мы давать хорошего пинка кому надо. Только друг другу отвешиваем лихо.

Теперь эта шушера нерадостная. Притихли. Чего ж вы? Ваши побеждают. Пляшите! Обделались, “герои”? Глаза раскрыты, ищут помощи и защиты у всех. Они “отплатят” потом, когда благополучно, с комфортом выйдут из Дома, “отблагодарят” черной ненавистью, презрением тех, кто отдавал им последний кусок хлеба, прикрывал их, рискуя собой, от пуль и разрывов снарядов, как некая Н. Кинцало в гнусной книжонке, изданной “Коммерсантом”.

12 часов 20 минут. 18-й и 19-й этажи горят, черный дым вырывается наружу. Вокруг носятся БТРы и из-за них орудуют наземные снайперы. Пехота не рискует сюда сунуться.

12 часов 25 минут. Мужчина с приемником поймал коротковолновую радиостанцию за пределами Дома Советов. Слышны крики передающего: “Идите все на защиту Белого Дома!!!” Спасибо, друг, но уже поздно! Сюда теперя и птичка не пролетит. Проспали. Об этом надо было взывать хотя бы вчера.

Ельциноиды требуют безусловной капитуляции. Разоружиться и сдаться. Потом они обещают всех “просеять”, грозясь разобраться с “боевиками”. Кого они сочтут таковыми – вопрос.

В окна видно, что на Бородинском мосту полно любопытствующего, глазеющего народа. Отовсюду за войсками идут массы людей. Зеваки стекаются на бесплатное зрелище. В отличие от вчерашнего потока людей, пробившихся сюда с Октябрьской, из этих никто прорываться к осажденным не собирается.

12 часов 30 минут. Загадочный демократический депутат Уражцев, организовавший прорыв и наш бросок к Дому Советов, по каким-то волнам радио призывает всех военных на помощь Дому Советов. Тоже поздно, дружок. И почему-то ты не здесь, не с нами?..

Солдаты (в милицейской форме), перешедшие на сторону осажденных, спят, притулившись вдоль стен, на полу. Съели по кусочку хлеба, выпили по стаканчику минералки, всё, что осталось из имевшегося в Доме. Сморило их. Взрывы, содрогание здания продолжают. Звон рушащихся окон, а они... спят спокойно. Вот как устали, измотались, запутались. Что с ними будет дальше? Хорошее-то вряд ли, а потому самое разумное отдохнуть, набраться сил для следующих “приключений”. Бедные русские мальчишки...

Много задремавших и в темном Зале заседаний.

12 часов 35 минут. Появились первые паникующие. Одни – тихие. Они носятся меж людьми, пристают то к одному, то к другому. Шепотом, исподтишка искушают “свежими новостями”, сообщениями и пр. Другие – буйные. Те в голос, громко призывают сдаваться, пока не поздно, стращают, прельщают прелестями того мира, что за стенами, вздрагивающими от разрывов. Находятся и те, кто их осаживает, не дает разгуляться.

Все радиостанции заняты общим – агитируют население страны “поддержать Ельцина”, “спасти страну” от “красно-коричневой заразы”. Утверждают: “Это необходимо!”, спекулируют лозунгами, расписывают “доблести” военных, расстреливающих “боевиков”, “фашистов”, засевших в Доме Советов. Призывают “встать на защиту России!” Вот подлецы! Всё перевернут с ног на голову.

12 часов 40 минут. Снизу выкрик: “Врачи есть?!”...

Нашелся какой-то инвалид. Поковылял по лестнице вниз, сменить, видно, убитого.

Хасбулатов, куря трубку, бледный, ходит между собравшихся. У него берут интервью. Подбадривая и себя и других, он сообщил, в частности: “Много москвичей идет. Бросаются под гусеницы. Те, что на бронетехнике, запрашивают командира: “Что делать?”. Им отвечает командир: “Давить! Давить!..”

12 часов 45 минут.

В Моссовете в это время идет заседание Чрезвычайной сессии. Передали, что там приняли решение о том, чтобы войска прекратили обстрел Дома Советов. Радостно было это слышать, но поздно. Декларации не помогут.

12 часов 50 минут. Хасбулатов расстегнул светлый плащ, а под ним – белый, аккуратненький бронезилет вместо манишки. Он устал отдыхает, сидя на подоконнике окна, выходящего во двор. Рядом с телохранителями, земляками – чеченцами. Сидит среди “простых” людей, собравшихся здесь. Для чего эта демонстрация?

Опять сокрушительный взрыв. Всё содрогнулось. Хорошо построено здание Дома Советов. Как крепость. Три-четыре этажа встроенных флигелей вокруг, принимающих на себя основную часть разрывов, надежно защищают основное здание, 20-этажный “стакан”. Другое строение давно бы развалилось от такой чудовищной артиллерийской атаки.

12 часов 55 минут. Парень, казак с медалью, предложил женщинам покинуть здание. Желаящих оказалось немного. Одна женщина даже громко выкрикнула о несогласии. Подошли еще какие-то два дяди в штатском. Уговаривают женщин. Потом перенесли агитацию свою в Зал заседаний. Женщины-депутаты тоже отказываются уходить: “Не пойдем!.. В заложницах будем оставаться со всеми. Уйдем, как и все”.

13 часов 00 минут. Снова прибежали снизу, спрашивают в зале врачей и санитаров. Уже никто не встает. Больше их нет здесь.

13 часов 05 минут. Паникеры и паникерши множатся. Вслух тихонько и шепотом они уговаривают всех уйти. Заявляют, что никто – ни армия, ни население – не поддерживает осажденных.

13 часов 07 минут. В зале, несмотря ни на что, сохраняется хороший, стойкий дух. Продолжают красиво петь женщины: “Гори, гори, моя звезда”. Ведет это уникальное собрание-пение депутат Челноков. Ведет своеобразно. Запевает песни, одну за другой. У него густой баритон. Песни при сильных взрывах сбиваются, но потом их подхватывают вновь.

13 часов 10 минут. Видно, как некоторые корреспонденты и иностранцы с аппаратурой пытаются договориться с осаждающими, чтобы пробраться сквозь атакующее оцепление, кордоны и в то же время сохранить “жареный” дорогой материал, который они тут, порисковав немного, снимали для эффектных репортажей. “Кому война, а кому – мать родна”.

13 часов 15 минут. Чувствуется общая неопределенность. Некоторые требуют позвать “президента” Руцкого и его “министров”. Информации – никакой. Вельможные командующие непонятно чем занимаются. Каковы их действия? И есть ли они? Кому они звонят? Какова ситуация? Для чего их поставили на важные посты?.. Масса вопросов.

Штурмом брать нас не решаются. Почему? Наверняка они знают ничтожную вооруженность защитников Дома. Не происходит наступления только по двум причинам; либо трусят, боятся за свою шкуру, либо не хотят, не желают выполнять приказы преступного начальства и так вот “пассивно” саботируют их указания.

13 часов 20 минут. Снова взрыв. Сильный. Здание опять задрожало. Сообщили, что по всей Москве идут бои с манифестантами с применением огнестрельного оружия. От метро “Баррикадная” отбросили людей, желающих помочь осажденным. Есть убитые и там.

13 часов 23 минуты. Депутат И. Андронов говорит о возможности ухода пожилых, женщин и больных. Скоро будет атака. Слова, сказанные из его уст, подействовали.

13 часов 25 минут. Женщины, недужные, малолетние подростки понемногу начали уходить. Что с ними будет? Как с ними будут обращаться ельцинские звери?..

Хасбулатов так ничего вразумительного не предложил и, покурив трубочку, отдохнув среди народа, пошел к себе в кабинет. Другие начальники и не кажут себя.

Объявлено, что будет атака с вертолетов и танками.

Депутат Новик объявил, что к нам идут представители из Конституционного суда и “субъектов федерации”, для того чтобы вывести отсюда всех, кого возможно. А “кого возможно” и кого нет?

14 часов 20 минут. В Зале заседаний по-прежнему темно, многолюдно. Тихая песня, на удивление светлая – “Подмосковные вечера”, потом фатьяновские песни. Да, это люди особые. Ни паники, ни воплей, ни истерик. Спокойно встречают смерть, и мужчины и женщины. Как облеченные высокими полномочиями, которых знает вся страна, так и простые люди из ополчения, смиренно и скромно находившиеся под дождем и снегом у баррикад, в последний момент успевшие вбежать под крепкие стены Дома Советов. Полное единение всех собравшихся, готовых к самой последней и страшной участи. Вот она – единая, загадочная русская душа – одна на всех и одновременно у всех своя, особая. Вот оно – единое тело Христово, тело православного Отечества, зримо составленное здесь как из верующих, так и непросвещенных, сердцем своим чистым освятившихся духом братолюбия. Святая Русь!..

Носилок с телами у стен все прибавляется. Их несут сверху и снизу. Здесь – сердцевина здания. Здесь – восставшие против беззакония, разбоя диктатуры – народные избранники, верные защитники обобранного и униженного народа. Соль земли русской. Здесь и самое безопасное, самое многолюдное место в Доме.

Кто-то поймал по приемнику плохо слышный голос Ельцина. Разобрать ничего невозможно. Понятно только, что он торжествует, изображает из себя “миротворца”, гаранта мира и порядка.

Фрагменты опубликованных в “Комсомольской правде” милицейских радиопереговоров 4 октября:

- **Запомните, никого живым не брать!..**
- **Там одни урки собрались, там людей нет нормальных...**
- **Мы их перевешаем на каждом столбу...**
- **В “Белом доме” живых не брать...**
- **Внимание всем. Я “Пион”. Никаких пленных! Уничтожать!..**

14 часов 25 минут. В фойе Зала заседаний приносят раненых. Среди них молоденький паренек – боец с простреленной кровоточащей ногой. Сильно разворочено бедро. Видно, стреляли в него разрывными пулями. Его несут четверо, на плечах.

Группа женщин около полусотни вышла с поднятыми руками из Белого Дома.

Один парень в мегафон кричит тем, что снаружи, агитирует солдат образумиться, не выполнять преступных приказов. В ответ ему – очередь из БТР. Он, схватившись за окровавленное лицо, падает.

Наконец появилась и наша “власть”: Баранников, Дунаев, Ачалов. Стоя кучкой, в стороне от зала, в полутьме совещались о чем-то своем. Шепчутся в углу просторного фойе, не обращая внимания на окружающих. Вид у них, как у нашкодивших и не знающих, как выпутаться, вечных второгонимых. Около них топчется грозная, хорошо вооруженная охрана. Бравые крепыши! Телохранители с новенькими автоматами. Они-то вооружены очень качественно, только понапрасну. Их бы новенькие автоматы защитникам, отбивающим нас от нападающих войск!.. Явно растеряны их подопечные – “министры”.

Собравшиеся здесь осажденные люди им не нужны. Аплодисментов теперь на них не сорвешь. Интерес к избравшему их народу в “министрах” пропал. Начхать им на всех, как, собственно говоря, и до этого. Не ради блага людей они выдвигались, а теперь задвинулись обратно с высоких должностей. Чем озабочены они сверх меры теперь? Нами? Спасением нашим?.. Ждите, не дождетесь. Своей шкурой зачесавшейся раззужены. Мелькнул где-то и “президент” с командой вооруженных до зубов телохранителей. Забегали...

14 часов 30 минут. Мальчишки, неизвестно как сюда попавшие, перебегают безстрашно у брызжущих стеклами от взрывов огромных окон Дома. Они оживляют обстановку. На ходу жуют что досталось из разрушенного буфета. Довольные, для них это – “войнушка”.

Поначалу Ельцину гарантированно был подчинен состав личной охраны и кремлевского полка, а это немало – 20 тысяч. Наготове были и незаконные вооруженные структуры Боксера – Осовцова. В основе своей – это бейтаровцы, узаконенные еще Горбачевым как “культурная организация” в 89-м году и легально орудующие в России. Говорят, это около трех дивизий (!). В Москве, в сердце России! Не подпольные, а под официальной “крышей”. Три дивизии! Где же ФСБ, МВД? Так ретиво гоняющиеся и хватющие патриотов России? В эти дни эти службы показали, где они и с кем. Они вместе с бейтаровцами стреляли в те дни по одной цели – по избранным народом депутатам Верховного Совета России, по высшему законодательному органу, которому были подчинены, и по самым опасным для них – патриотам Отечества!

14 часов 35 минут. В Зале заседаний уже совсем другая атмосфера. Никакого сна, тишины или песен. Деловитая, взволнованная деятельность.

Сказали, что первая группа женщин, больных и детей из 60-ти человек вышла с поднятыми руками из Дома Советов. Их встретила озверелая толпа демоноидов. Оцепление вынуждено было защищать вышедших от этих уродов. Что с ними будет? Дойдут ли до метро?

14 часов 50 минут. В Зале снова начали петь, теперь уже в полной темноте. Последние свечи закончились. Слышна песня: “А я остаюся с тобою”...

15 часов 10 минут. Песня смялась. Возник какой-то гул в Зале заседаний. Многие обернулись туда. Что там?

Оживевший вдруг, снова появился “министр” Баранников. Он громко представляет двоих военных, пришедших с ним. “Это из “Альфы”.

Зашептались, зашушукались в зале, глядя на странных “инопланетян”. Те, в серебристых спецкостюмах и черных больших шлемах, навороченных,

с угрожающим, на время чуть откинутым забралом – словно персонажи из фантастического фильма.

Баранников тоном умелого конферансье, подтверждая общие догадки, объявляет:

– Да, да, они из того самого, знаменитого подразделения “Альфа”. Пришли к нам с предложением. Об этом скажет вам сам старший лейтенант, – потом по-свойски предложил одному из пришедших, тому, что повыше. – Говори, Сережа.

Не спеша, “космонавты” вышли на середину президиума. Кто-то их заботливо подсвечивает фонарем, чтобы они были всем видны.

Один из них, кого Баранников по-свойски назвал “Сережей”, заявляет:

– Мы не политики. Наша работа другая. Мы были в Афгане. Брали дворец Амина, в других местах... Мы не хотим в вас стрелять. И пока не стреляли. Хотим вас вывести отсюда. Помочь уйти. Если, конечно, вы этого захотите, согласитесь сдать. Обещаем вам защиту.

Стоящие на сцене сообщили и о том, что по своей инициативе они с трудом договорились с командованием о ненападении, что покидающие здание не будут перебиты.

– На улице собралась толпа озверевших лавочников, пьяного хулиганья и оголтелых ротозеев. Чтобы они не растерзали вас, мы доведем под своим конвоем до ближайших станций метро – “Баррикадная” или “Улица 1905 года”. Либо на автобусах отправим вас по домам.

Для пущей убедительности “космонавты” напомнили о том, что готовится штурм, в том числе с применением газов и авиации. Все готово для быстрого уничтожения осажденных.

Это был – ультиматум.

После этих слов бойцы “Альфы” отошли в сторону и стали ждать общего решения.

Возникла распря. С трибуны и в зале, через микрофон и без него стали горячо обсуждать сложившуюся ситуацию и предложенный прибывшими выход. Одни были за то, чтобы не поддаваться на шантаж пришедших и до конца оставаться здесь и погнубить под разрывами и пулями или от удушения газами. Другие, высмеивая “глупую” решимость первых, настаивали на “разумной, реальной” оценке сложившейся ситуации. Они призывали к сдаче, к выходу из сотрясаемого от разрывов, горящего уже Дома Советов.

Депутат И. Андронов сказал:

– Они готовы нам помочь. Почему мы им не верим?.. Положение у нас такое – на ступенях вы видели “защиту”, у которой нет оружия, патронов. Там, за стенами, танки, войска, ОМОН. Толпы пьяного хулиганья. Здесь еще есть женщины и дети... Сейчас выбор. Или смерть – или жизнь и борьба... Она не останавливается. Съезд мы провели. Все в рамках конституционного поля. Большого теперь здесь мы больше сделать ничего не сможем. Ради сохранения своих жизней, которые нужны нашим близким, детям, на благо все той же Родины нашей, согласитесь на единственное разумное решение сейчас... .

Двое-трое на него попытались было заворчать, но не получилось.

Баранников горячо поддержал Андронova и быстро исчез. Этот “министр”, как выяснилось потом, забрал себе схему системы подземных коммуникаций, по которой можно было вывести большую часть защитников Дома Советов. Это было им утаено. Сколько бы жизней благородных людей можно было спасти!..

Женщины – защитницы Дома стали ругать примолкших депутатов:

– Напелись? Разбежаться теперь?.. А как же те, кто лежат грудками вокруг Дома Советов, которые безоружными защищали вас? Они что, напрасно полегли?.. Чтобы вы здесь несколько часов поболтали и благополучно разошлись “до будущих сражений” с кастрюлями дома?.. И эти – “начальнички” – где? Опять попрятались, молчат. Вы их понавыбирали, предателей.

Их поддержал мужчина, снова сказав о “командующих”:

– Говорят эти “генералы” с балкона красиво, зазывно. Они, эти лампасы хреновы, “министры” новоиспеченные, ничего путного и не сделали. Порядочные люди пулю в лоб себе пускают, а эти после такого охотят, уговаривают... За сколько “зеленых”? Или за то, чтобы не кончили их? “Герои” эти – Баранников, Ачалов, Дунаев с “президентом” – Руцким... .

— Они пошли штанишки свои посушить, — предложил свою версию пожилой мужчина от дверей.

На него шикнул кто-то из депутатов:

— Ну вы это!.. Не очень-то!..

— А чего? Не так, что ли?! — отважно подтвердила женщина.

— Они сейчас в посольства всякие звонят, — поддержала ее подруга по круглосуточным бдениям на улице. — Драпать отсюда в Африку или куда там захотели. — Мы остаемся, — решительно заявил безстрашный мужчина и кивнул на “космонавтов”. — А вы давайте, вон к этим, в лапы идите, под дубины и пули!

... Повсюду собирались в группы, выходили вначале женщины и пробравшиеся сюда дети. К ним подсуетились, втесались разные там лазутчики из “органов”, более полусотни случайных зевак и орава писак. За ними опять группа женщин. Процесс пошел...

16 часов 30 минут. Офицер “Альфы” вернулся с еще большим количеством своих однополчан. Их около 20–30. Теперь они держат управление происходящим, настаивают принять быстрее общее решение: “В противном случае никто не даст гарантий вам. Любого застрелят или разорвет толпа собравшихся рядом. Решайтесь!”

Явно, что командный тон “космонавтов” над осажденными — это приказ не только от их командиров, но и от предавших обороняющихся “министров” и “президента”.

Кто-то поинтересовался: “А что с нами будет после выхода из Белого дома?”. Подполковник ответил, что это не в его компетенции.

Женщина спрашивает:

— А где Руцкой, Ачалов? Где они, эти “наши”?..

Ей кто-то отвечает:

— А кто знает! Наверное, у себя. Государственные дела всё решают.

Стратеги!

Другой голос:

— Бегали тут, суетились по своим делишкам каким-то.

— Да смылись они, наверное, уже отсюда. Дома сидят, — предположил кто-то.

16 часов 40 минут. Взял слово депутат Бабурин:

— Спокойно, друзья. Решено, что будем выходить. Ничего другого не осталось. Кто хочет, кто имеет желание и возможность биться до конца, пусть остается. Честь им и хвала. Основная же масса людей здесь гражданская и мало чем могущая воевать. Жертв положено здесь — предостаточно. У всех есть семьи, родители, дети. Вы нужны им.

Выходим, соблюдая порядок. Без криков. Выбора у нас, как такового, уже нет. Нам даны немногие гарантии... Надо ими воспользоваться.

Вначале пойдут оставшиеся здесь женщины и люди преклонного возраста. Затем мы, депутаты и руководство. Потом военнослужащие, защитники Дома Советов.

Появился и “спикер” Хасбулатов. Он вышел к трибуне и, поддержав Бабурина, негромко произнес последнюю свою “тронную” речь:

— Похоже, что мы все же должны будем покинуть этот Дом. Наш идеализм получил удар. Мы за это время стали самыми твердыми сторонниками реформ, но благо не только в том, что в Российской Федерации наш принципализм вошел в норму. Да, мы наделали ошибок. И вы, и я. Их не совершают те, кто ничего не делает. К концу нашего пребывания здесь мы стали профессионально полезными. Подвели большой пласт под законность и порядок. За нами — наш народ, хоть и лгали ему про нас, а про них нам. Правда вскроется. Наш Дом стал и символом наших достижений, нашего трагического периода, может быть, последнего. Так, вероятно, суждено Всевышним. Надо пройти и путем мук.

Некоторые женщины заплакали. Депутаты и присутствующие почтили память погибших минутой молчания.

С. Бабурин сказал: “Мы выполнили свой долг до конца, и не наша вина в том, что армия, войска МВД и МБ предали Конституцию и свой народ. Мы должны выходить из этого здания с гордо поднятой головой...”

Затем он зачитывает Обращение Съезда народных депутатов к гражданам России:

“Десятый (чрезвычайный) Съезд народных депутатов Российской Федерации сегодня, 4 октября 1993 г., закончил свою работу. Народные депутаты, сотрудники аппарата Верховного Совета РФ, все защитники Дома Советов России покидают охваченное пожаром здание побежденными, но не сломленными. Мы выполнили свой гражданский долг в защите Конституционного строя Российской Федерации до конца. Не наша вина в том, что Министерство безопасности, Министерство внутренних дел, Министерство обороны, большинство структур исполнительной власти поддержали государственный переворот 21 сентября 1993 г. и силой подавили сопротивление защитников Конституции. Так теперь складывается судьба России.

Низкий поклон каждому, кто назвал преступление преступлением и выступил в защиту Конституционного строя России. Будущее подтвердит нашу правоту и наше безкорыстие.

Скорбим о гибели сотен людей в вооруженных столкновениях 3 и 4 октября, независимо от того, с чьей стороны они сражались. В Москве запылали пожар гражданской войны, когда брат идет на брата.

Торжествующие победители, поправшие Основной Закон, готовы изничтожить инакомыслие даже ценой Большого Террора.

Остановимся! Постараемся понять друг друга. Россия не имеет права на гражданскую войну. Миллионы наших соотечественников, погибшие в ходе революций и войн XX века, взывают об этом. Сегодня как никогда от мудрости и мужества каждого жителя России зависят жизни миллионов и мир в нашем Отечестве.

Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации не избежали в своей деятельности ошибок. Но все наши помыслы были направлены во благо России. Мы сделали все, что могли.

Соотечественники! Опираясь на многовековые политические, экономические, культурные традиции России, прежде всего на патриотические традиции великого русского народа, защитим будущее России, сохраним ее единство и территориальную целостность.

Десятый (чрезвычайный) съезд народных депутатов Российской Федерации.

4 октября 1993 г.

Принято при общем согласии перед выходом из здания.

Громкий голос из зала:

– Россия – не только Москва. Давайте в другом городе России работать!

Его поддержали:

– Можно!

Хасбулатов ретировался, буркнув на прощание:

– Простите меня.

И ушел с трибуны.

Видя, что массового движения в зале все-таки не происходит, вновь общее внимание занял Бабурин:

– Мы сделали всё. Не наша вина, что Ельцин, министр обороны Грачев и министр внутренних дел Ерин предали нас, предали Россию.

Депутаты проголосовали. Сторонники капитуляции возобладали.

Не сразу, но все свыклись с этим решением. Организованно стали готовиться к выходу...

16 часов 50 минут. Все встали, пошли в освещенное фойе. Там стали рассредоточиваться по выходам к 8-му и 20-му подъездам.

Царило некоторое оживление от того, что наконец-то неопределенность так или иначе позади. Вновь появилась надежда на благополучное завершение. Было страшно и боязно, но люди утешали друг друга. Не покидала уверенность, что есть какие-то нормы и рамки, за которые не могут переходить ни люди, ни власти. Конечно, теперь эти нормы сильно нарушились. Но упорная вера настойчиво билась: не посмеют же они расправляться так вот, “за здорово живешь”, со столькими людьми! Есть же законы, есть радио, телевидение, печать... Нормы, юридические законы, международные права... Они не позволят тем, кто вооружен и осадил здание, безчинствовать и совершать насилие над безоружными. Ведь заключенные здесь по доброй своей

воле – это же народные избранники, депутаты как-никак Верховного Совета страны!.. Это парламент!.. К тому же нам обещали! Так что нечего пугаться и паниковать. Вперед – к свободе, к дому, к близким и родным! – так успокаивали, уговаривали себя исходящие из горящего Дома.

Оживленные сборы захватили всех. Депутаты и чиновники из одних комнат сновали в другие – с бумагами, сумками на тех немногих, нижних этажах, что остались в некоторой целостности. Кто-то, перекликаясь, искал знакомых, проверял содержимое карманов и сумок, чтобы ничего не забыть. По зову, по команде, к выходам пошли несколько групп осажденных.

17 часов 00 минут. Горка сложенного оружия была небольшой: с десятка пистолетов, столько же автоматов и самодельных берданок, около 10 рожков с патронами. Что это на такой Дом и на стольких бойцов?! . Уже построены люди, ничего плохого не подозревающие, записывали и диктовали друг другу адреса, телефоны. Откуда только не собрались эти прекрасные мужественные люди! Вся география страны! С Севера, с Урала, из Сибири, и с Юга – Приднестровья, и даже с Дальнего Востока услышали душой, добрались сюда, чтобы встать на защиту последнего бастиона, сдерживающего стихию беззакония, гибели страны. Люди простые, совсем далекие от политики, не имея никаких партийных чинов, каких-либо практических интересов, кроме как защитить Правду, Справедливость. Какие же они красивые! Стройные, с ясными глазами, улыбками. Цвет нации, великой страны. Соль ее. Как хорошо было около них!

18 часов 00 минут. Уже был вечер, когда бойцы “Альфы” вывели эту последнюю многочисленную группу из Дома Советов России. Люди вышли на прилегающую к Дому площадку, перед широкой лестницей, обращенной к Москве-реке. Под ногами хрустели куски стекла, крошек белого мрамора и штукатурки стен, густо покрывавших все пространство около Дома.

За рекой – гостиница “Украина”. Перед ней – сквер, а перед ним виднелись виновники сокрушительных разрывов и сотрясений Дома Советов – тяжелые танки, расположившиеся у парапета набережной, прямо напротив Дома. Еще ближе, уже на этой стороне набережной, куча БТРов и войска в амуниции, с оружием.

Задержанное подразделение защитников Дома Советов после тщательного ощупывания, осмотра конвоиры повели к сходу гранитной лестницы, где внизу, на набережной стояло около десятка автобусов с дополнительным количеством конвоиров.

Впереди защитников шел красивый, высокий, подтянутый мужчина в военной форме (не снял ее, не переоделся, чтобы скрыться от расправы). Гордо, даже с вызовом, подбадривая, подавая пример соратникам, он вышагивал размашисто вперед, к гибели, понимая, что она тут, рядом.

Сети впереди расставлены, надежные, неминуемые. И, несмотря на это, широк шаг впереди идущего. Свободен, как у вольного, породистого скакуна. Не плетется, не спотыкается он и перед пропастью, о которой знает, но не робеет.

Вот она – порода России! Вот он, цвет, гордость, сила, будущее Её. Через минуты исчезнет с тела Её, покинет Её душа его прекрасная, вылетев через многочисленные пробоины пулевые из тела его ладного, здорового, сильного, которое изрешетят трусливые ничтожества в воинской амуниции, с оружием против безоружных. Труссы против храбрцев. Подлые рабы против свободнейших, благороднейших сынов России.

Долго, восхищенно смотрел на них, не в силах оторваться. Разболелась голова. Слезы сдавили горло. Горе обволокло сердце.

Еле оторвавшись взглядом от последнего парада цвета России, почти не видя ничего впереди, поплелся догонять свою группу гражданских.

“Поднимемся ли теперь когда? Сможем ли?”

Может, уже никогда. Может, уже это – последние крохи золотого фонда, природного народного замеса использованы? Может, это последние мальчики и мужчины – русаки уходят от нас в Царствие Небесное с этой грешной, оскверненной пролитой кровью патриотов столицы, расхристианской русской земли.

*Глас крови брата твоего вопиет ко Мне от земли;
И ныне проклят ты на земле, которая разверзла уста
свои, чтобы принять кровь брата твоего от руки твоей.
(Быт. 4, 10-11).*

Солнце светило прямо в лоб, все пронизывая своими лучами, ярко выявляя все вокруг: дома, облепленные поверху снайперами и зеваками; мост, пестреющий разноцветной толпой заполонивших его зрителей; войска с бронетехникой, и особенно ярко освещенную площадку перед лестницей на набережную реки – арену с жертвами. Высвечивая все до подробностей, светило как бы приглашало: “Смотрите, запоминайте все покрепче! В том числе и вашу улюлюкающую подлость, дурь и низость. Чтобы потом не вопить: “За что нам!..” И тот образчик поведения, жизни человеческой, какой вы видите перед собой на ступенях Дома Советов, по которым спускаются стройными колоннами защитники ДС и куда выводят оставшихся депутатов и граждан, примкнувших к ним, – последних защитников ваших прав и справедливости”.

Конвоиры подвели выведенных к широкой лестнице, нисходящей к Москве-реке. Повсюду – на гостинице, напротив, слева, на крыше большого дома на улице Чайковского, на мосту, перегороженном оцеплением милиции, ОМОНа и солдат, – находились большие скопления людей. Особенно на крыше дома, обширной, как внушительная арена стадиона – там просто не было свободного места. Как крыша выдерживала? Везде, отовсюду с любопытством взирали на выходящих – как на диковинных зверей, ведомых укротителями. Бедные, вышедшие по приказу из-за штор трусы. Науськанные, размахивают они теперь угрожающе палками и железками на тех, кто пытался их освободить... Так смотрели, наверное, с трибун на первых христиан, выводимых на арену Колизея, римские язычники, ротозеи, предвкушающие потеху, жаждающие кровавого зрелища. Теперь и в этих ротозеях проснулись древние, кровожадные инстинкты – посмотреть на показательное побоище непокорных. У кого-то проснулся наконец запоздалый интерес к участию в событиях. Только жаль, что много, уродливого, обывательского свойства. Вот, оказывается, в Москве сколько народа! И это только здесь. Сразу забросили все свои “важные” дела. Как же! Зрелище будет!.. Лучше, чем по “телику”. В натуральном виде. Ну, смотрите, смотрите на тех, кто за вас на гибель идет. Больше теперь таких, в таком количестве и не будет, некому будет стоять за вас. “Умельцы” хорошо “пропалывают” Россию, бдитительно выкорчевывая из нее все живое.

Мы уходим...

Москвы сорок первого года, Сталинграда, с которых начался отпор врагу и путь к победе – не получилось. Сопrotивление заглохло на первых оборотах... Жаль. Мы оставляем плацдарм. Оставляем на дальнейшее пленение страну, народ (**наш народ**)...

Мы отдаем на поругание погромщикам, оставляем Дом – храм чести, достоинства, справедливости, законности...

Мы – уходим...

Дом горел. Закопченный вверху. Сильно разбитый. Нижняя половина его, хоть и выщербленная выбоинами разной силой, была по-прежнему сахарно-белой, но верхняя половина – густо-черная. Из многих окон – чем ближе к крыше, тем больше, – вырывалось пламя, образуя общую рыжую, коптящую стену.

Воротилы “демократии” признались потом: “Если бы около Дома Советов было 70–100 тысяч людей и не было провокаций со зданиями мэрии и Останкино, расстрел Дома Советов стал бы невозможен”. Не хватило количества праведников, чтобы город и страна устояли. Этой, сотой части, Москвы не оказалось. И обильная кровь пролилась. И устои государства – рухнули.